А. Ю. Мусорин

ЛЕКСИКА КЯХТИНСКОГО ПИДЖИНА

(Функциональный анализ языковых единиц. - Новосибирск, 2004. - С. 79-86)

Единственным дошедшим до нас описанием кяхтинского пиджина, сформировавшегося в зоне русско-китайской приграничной торговли, и просуществовавшего до начала XX века, является небольшая статья С. И. Черепанова, опубликованная в ИОРЯС в 1853 году [2]. В статье даётся краткое описание фонетики грамматики пиджина, приводятся отдельные слова, и, что особенно ценно, тексты на кяхтинском пиджине с переводом на русский. Лексика приведённая в этой статье и явилась объектом исследования в нашей работе.

Почти сто процентов лексического фонда кяхтинского пиджина составляют слова, пришедшие из русского языка. Многие русские слова вошли в кяхтинский пиджин без каких-либо изменений в плане выражения. Сюда относятся: "али" (или), "воля" (воля, желание), "люди" (человек, люди), "мало" (мало, не только), "манера" (обычай, тип, сорт), "надо" (надо, нужно), "рубаха" (рубаха), "сюда" (сюда), "чужой" (чужой), "шуба" (шуба). Это слова, фонетическая структура которых соответствует закону открытого слога, и в которых отсутствуют какие-либо группы согласных. Единственный согласный звук, который может в кяхтинском пиджине закрывать слог - это [й]. Есть, правда, восемь слов, не соответствующих указанному фонетическому закону: "только" (только), "палаток" (платок), обнимиза (обниматься), твоя (твой, твоя, твоё), побрани (ругать, бранить), фальшивайла (лгать, говорить неправду), сказывай (рассказывать), синеньки (синий). Можно предположить, что они были записаны от русских информантов, недостаточно хорошо владевших кяхтинским пиджином.

Вследствие действия закона открытого слога многие русские существительные заимствовались кяхтинским пиджином в форме не именительного, но родительного падежа единственного числа: "бога" (бог), "десяти" (десять), "дома" (дом), "зада" (зад, сзади), "закона" (закон, обычай), "меда" (мёд), "милиона" (миллион), "мужа" (муж, мужчина), "рукава" (рукав), "ума" (ум), "языка" (язык). По аналогии с формой генетива на -а образованы в кяхтинском пиджине такие слова, как "дена" (день), "кусока" (кусок), "одина" (один), "сема" (семь).

Для глаголов формой, соответствующей фонетике кяхтинского пиджина, оказывалась, чаще всего, форма повелительного наклонения. Большинство русских глаголов вошли в кяхтинский пиджин именно в форме императива: "жалей" (жалеть), "заказывай" (заказывать), "подумай" (думать), "поживи" (жить), "посиди" (сидеть, беседовать), "походи" (ходить, ездить), "сказывай" (сказать). По аналогии с императивами на -ай

образован в кяхтинском пиджине глагол "поторговай" (торговать), а по аналогии с императивами на -и - глагол "погули" (гулять, быть в гостях).
Местоимения русского языка попадают в кяхтинский пиджин также в грамматических формах, соответствующих закону открытого слога: "моя" (мой, моя, моё), "твоя" (твой, твоя, твоё), "тебя" (вар: тиби), "ево" (т. е. его), "наша" (наш, наша, наше). Интересно, что в кяхтинском пиджине личные местоимения являются производными от притяжательных: "за-моя" (я), "за-твоя" (ты), "за-ево" (он).
Если в конце слова в качестве вставного звука может использоваться почти исключительно гласный [а], то в середине слова, когда возникает необходимость разбить группу согласных, активно используются все пять гласных звуков кяхтинского пиджина: [а], [э], [и], [о], [у], [ы]. Рассмотрим лексику с эпентетическим [а] в середине слова. Слов, в которых этот гласный является единственной эпентезой, у нас всего два: "обамани" (обмануть) и "палаток" (платок). Ещё два слова содержат наряду с эпентетическим [а] эпентетический [э]: "холесата" (холст, холщёвый) и "шамапанесеки" (шампанское). Во всех четырёх случаях эпентетический [а] появляется перед слогом с исконным [а].
Слов, в которых в качестве эпентезы выступает [э] - значительно больше: "бамебуки" (бамбук), "беленеки" (белый, беленький), "деряни" (плохой, дрянной), "подожеди" (ждать, подождать), "поселе" (после, потом), "почето" (почему, почто), "толесета" (толстый), "шелека" (шёлк), "дирочеки" (дыра, отверстие), "женушеки" (женщина, жена), "можено" (можно), "неперемена" (непременно), "рюмашека" (рюмка), "середеце" (сердце), "соленыце" (солнце), "тери" (три). Сюда же относятся уже упоминавшиеся выше "холесата" (холст, холщёвый) и "шамапанесеки" (шампанское). Эти примеры показывают, что выбор в качестве эпентезы гласного [э] в большинстве случаев мотивируется фонетическим окружением того сочетания согласных, которое разбивается этой эпентезой. Гласный [э] выбирается в качестве эпентетического, если в предшествующем или последующем слоге имеется гласный [э], а также после [л] а также после [ч] и [ш]. Возможно, что эпентетического [э] требует после себя также звонкий шипящий [ж], однако мы имеем всего лишь один пример с эпентетическим гласным [э] после [ж] - "можено" (можно, возможно), а этого явно недостаточно, чтобы сформулировать какую-либо закономерность. Очень интересным является, на наш взгляд, прилагательное "толесета" (толстый): первое [э] появляется здесь вследствие того, что в качестве предшествующего согласного выступает [л], а второе - под воздействием первого. Забегая немного вперёд, отметим, что [э] - наиболее часто встречающийся эпентетический гласный в кяхтинском пиджине.
Эпентетический [и] зафиксирован только в трёх имеющихся у нас словах: "пиришивай" (пришивать), "воротиника" (воротник), и "шипики" (показатель превосходной степени прилагательных, восходит к русскому наречию "шибко"). Выбор в качестве эпентезы гласного [и] мотивируется здесь его наличием в соседних слогах.

Эпентетический [у] зафиксирован только в двух словах: "сутужа" (мороз, стужа) и "дува" (два). В первом случае выбор гласного [у] в качестве эпентезы объясняется его наличием в последующем слоге, а во втором, скорее всего, влиянием согласного [в].

Эпентетический [о] представлен у нас в трёх словах: "порошу" (просить), "поколониза" (кланяться, поклониться), "солово" (слово). Во всех трёх словах выбор в качестве эпентезы гласного [о] мотивирован его наличием в соседних слогах.

Эпентетический [ы] встречается у нас только в одном слове - "соленыце" (солнце). Как-либо объяснить выбор в этом слове в качестве эпентезы звука [ы] нам не удаётся.

Появление эпентетических гласных - не единственный тип изменения фонетического облика русского слова при его переходе в кяхтинский пиджин. Были и другие изменения. Так, например, русские прилагательные на -ий утрачивают конечный [й], несмотря на то, что фонетика кяхтинского пиджина допускает этот согласный и в конце слога, и в конце слов: "беленеки" (белый, кяхтинская форма восходит к деминутиву "беленький"), "черенеки" (чёрный, кяхтинская форма восходит к деминутиву "чёрненький"), но "чужой" (чужой).

В ряде случаев нами фиксируется переход взрывных [д] и [т], а также аффрикаты [ц] в щелевой [з]: "переза" (спереди), "халаза" (халат), "соледаза" (солдат), "монеза" (деньги, происходит от русского "монета") "подериза" (драться, подраться), "поколониза" (кланяться, поклониться), "леденеза" (леденец).

Иногда внешний облик русского слова при переходе в кяхтинский пиджин изменяется вследствие прибавления к нему на конце слога -ла, -ша, или -ху: фальшивайла (лгать, обманывать), умеша (уметь), пиху (пить), кушаху (есть, кушать). Никакого значения эти слоги не несут и аффиксами не являются.

Переходя в кяхтинский пиджин русские слова очень часто подвергались не только фонетическим, но и семантическим изменениям. Чаще всего эти изменения сводились к некоторому расширению значения слова по сравнению с русским. Так, кяхтинское наречие "мало", кроме значения, свойственного ему в русском языке, приобретает также значение "не только", "посиди" - это не только "сидеть", но и "беседовать", "походи" - не только "ходить, идти", но и "ехать", "закона" - это не только закон в юридическом смысле этого слова, но и обычай "сепасибо" - это не только "спасибо", но и "благодаря". Встречаются, однако, случаи и более существенного изменения значения слова. Так, например, "манера" в кяхтинском пиджине - это обычай, тип, сорт, разновидность; "месяца" - это вовсе не месяц, а наречие "всегда".

Обращает на себя внимание то, что кяхтинский пиджин заимствовал слова не столько из русского литературного языка, сколько их просторечия. Об этом свидетельствует тот факт, что многие существительные и прилагательные были заимствованы в деминутивной форме: женушеки (женщина, жена; из "жёнушка"), рюмашека (рюмка; из

"рюмашка"), черенеки (чёрный; из "чёрненький"), беленеки (белый; из "беленький"), а также явно просторечный разделительный союз "али" (или).

Наряду со словами, пришедшими из русского языка, в в кяхтинском пиджине присутствует некоторое количество заимствований из монгольского и китайского: адали (точно, как, как будто), бичи (писать), фуза (лавка, магазинчик), оё (междометие со значением: "как же! не тут-то было!"), хао (браво!), хынь хао (брависсимо!), жа-жа-жа (звукоподражание "ха-ха-ха"). Рассмотрим лексему "адали". Она присутствует во всех монгольских языках данного региона: старомонгольское adali, современное монгольское адли, бурятское адли [1, с. 75], и, следовательно могло быть заимствовано кяхтинским пиджином из любого из них. Кроме того, лексема "адали" представлена в забайкальских говорах русского языка. Словарь Л. Е. Элиасова приводит для него следующие значения: 1) всё равно; 2 почти; 3) ровно, как раз; 4) точь-в-точь, совершенно точно, без отклонений; 5) союз как, словно, как будто [3, с. 51]. Разветвлённость системы лексических значений этого слова свидетельствует о том, что это монгольское заимствование имело долгую историю в русских говорах Забайкалья, и, следовательно, как иноязычное слово не воспринималось. Таким образом, союз "адали" в кяхтинском пиджине мог быть заимствован как непосредственно из монгольских языков, так и из забайкальских говоров русского языка. Последнее предположение представляется нам весьма правдоподобным ещё и потому, что кяхтинский пиджин, как уже было сказано выше, черпал русские слова не столько из русского литературного языка, сколько из просторечья и говоров. А вот глагол "бичи" (писать) пришёл непосредственно из монгольского языка; ср. монг. "бичиху" (писать).

Теперь несколько слов о китаизмах. Единственным существительным среди них является "фуза" (лавка, магазинчик). Все остальные заимствования из китайского относятся к числу междометий и звукоподражаний. При этом, если "оё" было междометием, а "жа-жа-жа" - звукоподражанием и в китайском языке, то междометие "хао" в китайском - это прилагательное "хороший" или наречие "хорошо". Компонент "хынь" - в китайском языке - это наречие "очень". В кяхтинском пиджине эти слова, утратив способность функционировать в качестве членов предложения, перешли в разряд междометий.

Кроме китайских и монгольских заимствований стоит упомянуть об одной лексеме, происхождение которой нам установить не удалось: курема (куртка).

Все рассмотренные выше слова, как русского происхождения, так и китайско-многольские заимствования являются в кяхтинском пиджине одноморфемными. Исключение составляют только личные местоимения (см. выше). Русская приставка по- в глаголах типа "поторговай" или "погули", приставка с- в глаголах типа "сказывай", равно как и другие приставки русского языка, являются в кяхтинском пиджине частью корня,

поскольку соотносимых с этими словами бесприставочных лексических единиц в кяхтинском пиджине не зафиксировано.

Наряду с простыми словами в кяхтинском пиджине существуют композиты, которые можно интерпретировать либо как сложные двухкорневые слова, либо как фразеолгизмы: бамебуки-почивай (телесное наказание), перамо солово (правда, правду говорю; употребляется как вводное слово), поцелуй переведеника (Пасха), рука-сапоги (перчатка), рюмашека кушаху (пьянствовать, пить водку), сама воля (как хочешь, твоя воля), середеце-шило (жестокосердие), соли-повеси (умереть), ума-конечайло (сумашествие), языка-меда (красноречие). Вполне возможно, что некоторые из них являются кальками с китайского. По крайней мере для одного из этих композитов, а именно, "рука-сапоги", нам удалось найти китайский источник: "шоутао" (перчатка), где компонент "шоу" имеет значение "рука", а компонент "тао" - "покрывать, накрывать, надевать, обёртывать, футляр, чехол, обёртка".

Внешне напоминает композит, формально состоящая из двух частей лексема "шелатай-балетай" (как-нибудь), однако мы не можем отнести её к числу композитов, поскольку ни компонент "шелатай", ни компонент "балетай" отдельно не встречается.

К сожалению, мы располагаем слишком малым объёмом лексического материала, чтобы дать характеристику омонимии, синонимии и антонимии кяхтинского пиджина.В нашем распоряжении имеется лишь две пары синонимов и две пары антонимов. Синонимы: "фальшивайла - обамани" (лгать, говорить неправду) и "холесата - восещанака" (холст). Антонимы: "хорошанеки" (хороший) - "деряни" (плохой), "зада" (сзади) - "переза" (спереди).

Имеющийся в нашем распоряжении материал не даёт нам возможности сказать что-либо о наличии или отсутствии в кяхтинском пиджине стилистически маркированной лексики, о существовании в нём каких-либо выделенных групп слов, как, например, деминутивы, инхоативные глаголы, гоноративная лексика и т. д. Более обстоятельное изучение словарного состава кяхтинского пиджина возможно только в случае появления новых источников по этому, несомненно заслуживающему внимания идиому.

В заключение представляется целесообразным привести в алфавитном порядке полный список слов, на базе которого строилось настоящее исследование.

Адали (точно, как, как будто), али (или);

бамебуки (бамбук), бамебуки-почивай (телесное наказание, подвергнуться телесному наказанию), беленеки (белый), бичи (писать), Бога (Бог), -буду (постпозитивный формант будущего времени глагола; "За-моя бичи-буду" - "Я буду писать"), -было (постпозитивный формант глагола прошедшего времени; "За-моя бичи-было" - "Я писал");

ваша (ваш, ваша, ваше), ваше=ваша, воротиника (воротник), восема (восемь), восещанака (холст);

дена (день), деряни (плохой, нехороший, дрянной), десяти (десять), дирочеки (дыра, отверстие), дома (дом), дува (два);
ево (его), -еса (постпозитивный формант глагола настоящего времени; "За-моя бичи-еса" - "Я пишу");
жа-жа-жа (ха-ха-ха), жалей (жалеть), женушеки (женщина, жена);
за-ваша (вы), зада (зад, сзади), за-ево (он), заказывай (заказывать), закона (закон, обычай), за-моя (я), за-наша (мы), за-твоя (ты), за-тебя=за-твоя, за-тиби=за-твоя;
Илисанидера (Александра; имя собственное);
кака (как), курема (куртка), кусока (кусок), кушаху (кушать, есть);
леденеза (леденец), люди (человек, люди; в кяхтинском пиджине отсутствовала морфологически выраженная категория числа);
мало (мало, не только), манера (обычай, тип, сорт, разновидность), меда (мёд), месяца (всегда), милиона (миллион), можено (можно, возможно), монеза (деньги), мужа (мужчина, муж);
надо (надо, нужно), наша (наш, наша, наше), неперемена (непременно), нету (нет), ниту=нету;
обамани (лгать, обманывать), одина (один), оё (междометие вот оно! как же! не тут-то было!);
палаток (платок), перамо солово (правда, правду говорю), переза (спереди), Печенисеки (Пекин), пиришивай (пришивать), пиху (пить), побелизанеки (вблизи), побрани (ругать, бранить), погули (гулять, быть в гостях), поде (под), подериза (драться, подраться), подожеди (ждать, подождать), подумай (думать, подумать), поживи (жить, проживать), поколониза (кланяться), поколоти (бить, колотить, победить), полоноте (полно, бросьте, довольно, достаточно), порошу (просить), поселе (после, потом), посемотери (смотреть, посмотреть), посерета (пёстрый), посиди (сидеть, беседовать), поторговай (торговать), походи (ходить, ездить), поцелуй переведеника (Пасха), почето (почему);
рубаха (рубаха), рукава (рукав), рука (рука), рука-сапоги (перчатка), рюмашека (рюмка), рюмашека кушаху (пьянствовать, пить водку);
сама (самый, самая, самое), сема (семь), сепасибо (спасибо, благодаря), середеце (сердце), середеце-шило (жестокосердие), середиза (сердиться), синеньки (синий), соледаза (солдат), соленыце (солнце), соли-повеси (умереть), солово (слово), сота (сто), сукона (сукно, суконный), сутужа (стужа, мороз), сюда (сюда);
твоя (твой, твоя, твоё), тери (три), толесета (толстый), только (только), тута (тут);
ума (ум), ума-конечайло (сумасшествие), умеша (уметь);
фальшивайла (лгать, обманывать), фуза (лавка, магазинчик);
хао (браво), холесата (холст, холщёвый), халаза (халат), хорошанеки (хороший), хынь хао (брависсимо), хычи (хотеть);
черенеки (чёрный), чужой (чужой); шамапанесеки (шампанское);
шелатай-балетай (как-нибудь), шелека (шёлк), шило (шило), шипики (препозитивный формант, образующий превосходную степень

прилагательного; шипики-хорошанеки - отличный, самый лучший), шолека=шелека, шуба (шуба);
языка (язык), языка-меда (красноречие).

Примечания

1. *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. - Новосибирск, 2000.

2. *Черепанов С.И.* Кяхтинское китайское наречие русского языка // ИОРЯС, 1853. - Т.2. - Вып. 10.

3. *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья . - М., 1980.